

Всё это время Он был рядом

Книга-свидетельство

ДМИТРИЙ ЮЩЕНКО

Дмитрий Ющенко

Всё это время Он был рядом

«Автор»

2026

Ющенко Д.

Всё это время Он был рядом / Д. Ющенко — «Автор», 2026

Шесть месяцев разделили жизнь семьи пастора Дмитрия Ющенко на «до» и «после». Неожиданный диагноз жены, обследования, химиотерапия, операция, страх за ребёнка, необходимость принимать решения и продолжать служение превращают обычную жизнь в путь, к которому невозможно подготовиться заранее. «Всё это время Он был рядом» — книга-свидетельство не о простой победе над обстоятельствами и не о формуле чудесного исцеления. Это честный рассказ о том, как среди больничных коридоров, бессонных ночей, меняющегося тела, человеческой помощи и молитв автор учится различать голос Бога. Иногда Он звучит через Писание, иногда — через врача, друга, неожиданную встречу или тишину в машине. Эта книга — о верности супругов, силе сообщества, надежде и Божьем присутствии тогда, когда не видно всей дороги. Для тех, кто сам проходит трудный сезон и ищет не готовых ответов, а основание для следующего шага.

© Ющенко Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Безмятежная жизнь	5
Когда всё было хорошо	6
Триста километров вдвоём	7
Роза	8
Ночной звонок	9
Спящий сын	10
Служение, которого я почти не помню	11
Дорога домой	12
Глава 2. Гром среди ясного неба	13
Бумага с печатью	14
Когда подозрение вошло в дом	15
Они знают	16
«Дима, держись»	17
Проводник	18
Слёзы, которые приходили ночью	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Дмитрий Ющенко

Всё это время Он был рядом

Глава 1. Безмятежная жизнь

«Всему своё время, и время всякой вещи под небом».

Екклесиаст 3:1

Когда всё было хорошо

Шёл 2025 год.

Моему сыну Алексею было девять лет. Он закончил второй класс, впереди были летние каникулы, и жизнь, казалось, двигалась своим обычным, понятным маршрутом.

Наверное, если бы в то время меня спросили: «Как у тебя дела?», я бы не стал долго размышлять. Я бы просто ответил: «Хорошо. Всё хорошо».

Не идеально. Не без трудностей. Не так, что каждый день происходило какое-то чудо. Но хорошо.

Служение потихоньку росло. В церковь приходили люди. Появлялись новые лица, новые знакомства, новые отношения. Мы уже провели два потока Альфа-курса, и через них начали приходить люди, которых раньше в церкви не было. Для пастора небольшого города, наверное, это и есть одна из самых больших радостей: видеть, как то, что ещё вчера было молитвой, постепенно становится реальностью.

Не быстро. Не громко. Но растёт.

Бог давал мудрость. Давал людей. Давал обеспечение. Открывал двери. В бизнесе тоже начали появляться новые направления. Нельзя сказать, что мы вдруг стали очень успешными или богатыми, но движение было. Появлялись возможности, идеи, люди. Было ощущение, что жизнь понемногу складывается.

Служение развивается. Семья рядом. Сын растёт. Есть планы. Есть мечты. Есть завтрашний день.

Сегодня, оглядываясь назад, я понимаю, насколько человек иногда не замечает своего счастья, пока находится внутри него. Мы часто думаем, что счастье - это когда произойдёт что-то большое: придёт большое благословение, осуществится мечта, откроется большая дверь. А иногда счастье выглядит совсем иначе.

Твой ребёнок спит в соседней комнате. Жена дома. У тебя есть свой привычный стол, чайник на кухне, вещи на своих местах, обычные разговоры и обычные заботы. Возможно, жена иногда ворчит. Возможно, не соглашается с тобой, спорит, видит какую-то ситуацию совсем иначе. Иногда вы обижаетесь друг на друга, иногда один говорит резче, чем следовало бы, а другой долго молчит. Всё это бывает в любой живой семье.

Но это твоя семья. Это женщина, с которой вы прожили уже восемнадцать лет. За эти годы было по-разному. Были периоды, когда любовь ощущалась очень ярко, а были времена, когда нежности было меньше и любовь приходилось доказывать не словами, а верностью, терпением, привычкой оставаться рядом и продолжать идти вместе. За восемнадцать лет столько всего пройдено, что человек рядом становится частью твоей собственной истории.

И ты не думаешь об этом каждый вечер. Ты просто знаешь: она дома. Сын дома. Это мой дом. Это моя семья.

Ты утром знаешь, что, скорее всего, будешь делать вечером. Ты строишь планы на следующий месяц. Думаешь о каникулах. Решаете, что купить, куда поехать, что сделать в церкви, как развивать работу. Никто не звонит тебе ночью из больницы. Ты ещё не знаешь названий лекарств. Не знаешь фамилий врачей. Не умеешь читать медицинские заключения и не всматриваешься в результаты анализов, пытаешься найти там хотя бы одно хорошее слово.

Ты просто живёшь.

И тебе кажется, что так будет всегда.

Это и была наша безмятежная жизнь.

Триста километров вдвоём

Однажды я узнал, что в Томск приезжает Рик Реннер. Там жил мой друг, епископ нашего объединения Иван Филимонов, а расстояние до Томска по сибирским меркам было совсем небольшим - около трёхсот километров.

Я много раз слушал Рика Реннера. Мне нравилась его основательность, манера разбирать Писание, исторические детали, спокойная уверенность в том, о чём он говорит. Алексей тоже любил его проповеди. И тогда мне пришла простая мысль: почему бы нам не поехать вдвоём?

Не делать из этого большого события. Просто отец и сын. Снять гостиницу. Побывать вместе. Ходить на служения. Есть вместе. Разговаривать. Вечером возвращаться в номер, утром снова куда-то идти.

Сейчас я понимаю, насколько драгоценной оказалась эта поездка. Я практически ни с кем там не встречался. Не пытался совместить её ещё с десятком дел. Я просто был с сыном.

И именно там неожиданно для себя обнаружил одну вещь: мой сын вырос.

Конечно, я знал, что ему уже девять. Видел, как он становится выше. Покупал ему одежду другого размера. Знал, какой у него класс в школе. Но одно дело - знать возраст ребёнка, и совсем другое - однажды услышать человека, который появляется внутри твоего ребёнка.

Я слушал, как Лёша рассуждает. Как делает выводы. Как оценивает людей. Как задаёт вопросы. Как говорит о каких-то вещах. И ловил себя на мысли: «Он уже не маленький». Передо мной был не просто мальчик, которому нужно всё объяснять. В нём уже формировался человек. Личность. Мужчина.

Наверное, именно так Бог делает очень многое в нашей жизни. Без шума. Без объявления. Без сигнала: «Внимание! Сейчас начинается новый этап!» Ты просто однажды смотришь - и понимаешь, что всё уже изменилось. Ребёнок вырос. Кто-то стал злее. Что-то внутри тебя самого стало другим. Произошла метаморфоза, а ты даже не заметил момента, когда она началась.

Я смотрел на сына и глубоко внутри благодарил Бога. За него. За возможность быть рядом. За эти триста километров. За гостиницу. За разговоры. За несколько дней, которые тогда казались совершенно обычными.

Я ещё не знал, почему мне было подарено это время именно тогда.

Роза

Роза в эту поездку не поехала. Она осталась в Новосибирске.

В последнее время её стал беспокоить живот. Она говорила об этом и раньше: что-то болит, то сильнее, то слабее. Мы, как часто бывает, находили этому вполне обычные объяснения. Может быть, желудок. Может быть, изжога. Может быть, питание. Может быть, ещё какая-нибудь мелочь.

Когда человек не ждёт беды, он и симптомы объясняет исходя из обычной жизни.

У неё была назначена консультация врача. Ну назначена и назначена. Мы не воспринимали это как что-то чрезвычайное. Перед отъездом я оставил деньги - на консультацию, обследования, если понадобится что-то сделать дополнительно, - и спокойно уехал с сыном.

В моём сознании существовала очень простая картина мира: я еду с Лёшей в Томск, Роза идёт к врачу, потом мы возвращаемся домой, и жизнь продолжается.

Но иногда между одним вечером и следующим утром помещается целая новая жизнь.

Ночной звонок

Это произошло на второй день нашего пребывания в Томске.

Ночь. Лёша спал. Зазвонил телефон. Я посмотрел на экран - Роза.

Взял трубку и услышал её голос, почти крик: «Мне больно... Мне тяжело... Я вызвала скорую. Здесь врачи говорят, что у меня подозрение на рак. У меня взяли биопсию...»

Сегодня я могу спокойно написать эти слова на бумаге: «подозрение на рак», «биопсия». Но тогда каждое из них имело для меня особый вес. Потому что я уже знал, что они означают.

Всего примерно три месяца до этого я как пастор сопровождал одну семью, в которой мама заболела раком. Я оказался рядом почти от самого начала этой истории и до её конца. Я ездил к ним, разговаривал, поддерживал, молился. Искал слова Писания, которыми можно было укрепить, когда человеческих слов уже не хватало. Старался быть пастырем не только на кафедре, но и там, где люди плачут, ждут результатов анализов, обсуждают врачей и пытаются понять, что делать дальше.

Я видел, как болезнь постепенно начинает занимать всё информационное пространство семьи. Сначала ты говоришь о диагнозе несколько минут. Потом о нём говорят каждый день. Появляются новые слова: обследования, показатели, препараты, схемы лечения, врачи, клиники, побочные эффекты. Телефонные разговоры всё чаще начинаются с вопроса: «Ну как сегодня?» И незаметно болезнь входит не только в тело одного человека - она заполняет мысли всех, кто его любит.

Я был рядом с той семьёй настолько, насколько мог. Молился за эту хорошую, светлую женщину. Говорил о надежде. Верил вместе с ними. Поддерживал близких. А потом я стоял на кладбище, когда мы провожали её в последний путь.

Поэтому, услышав в ту ночь слова Розы, я не мог спрятаться за незнание. За несколько секунд в моей памяти промелькнула вся та история - палаты, разговоры, молитвы, ожидание, ухудшение, слёзы, кладбище. Я слишком хорошо понимал, какой путь иногда начинается со слов «подозрение» и «биопсия».

Конечно, у Розы ещё не было окончательного диагноза. Не было результата биопсии. Не было бумаги, на которой стояло бы страшное медицинское заключение. Я понимал это разумом. Но человеческая память не всегда ждёт заключения врача. Она мгновенно достаёт из прошлого всё, что уже знает.

Я пытался успокоить её: «Давай спокойно. Потихоньку. Сейчас главное - чтобы врачи всё посмотрели. Я приеду. Будем разбираться».

А внутри меня уже что-то произошло.

Я ещё не знал, что именно случилось, но совершенно ясно понимал: что-то свершилось. Что-то нехорошее. Как будто где-то далеко прозвучал первый выстрел войны, которая уже началась, хотя ты ещё не видишь ни армии, ни фронта, ни масштаба предстоящего сражения.

Я понял, что перед нашей семьёй появился сильный противник. Его имя - болезнь.

«Не убоится худой молвы; сердце его твёрдо, уповаю на Господа.» Псалом 111:7

Эти слова Писания я знал и раньше. Но в ту ночь они переставали быть красивой строкой. Теперь мне предстояло понять, что означает иметь твёрдое сердце тогда, когда сама весть уже заставляет всё внутри дрожать.

Спящий сын

После разговора я посмотрел на Лёшу. Он спал. Совершенно спокойно. Безмятежно. Для него ничего ещё не изменилось. А для меня мир уже был другим.

Наверное, есть моменты, когда человек за несколько минут становится старше. Ты просто стоишь ночью в гостиничном номере, смотришь на спящего сына и вдруг понимаешь, что теперь на тебе лежит что-то ещё.

До этого я уже знал, что такое бороться. У меня самого были проблемы со здоровьем. Нужно было заботиться о себе. Нужно было растить сына, учить его, воспитывать. Нужно было обеспечивать семью, нести служение, заниматься церковью, работать.

Но той ночью я понял, что, возможно, Бог сейчас надевает на меня ещё одну одежду. Теперь нужно будет бороться и за неё. За Розу. Молитвой. Верой. Деньгами.

Врачами. Решениями. Поездками. Разговорами. Просто присутствием рядом.

Я ещё не знал, сколько всего будет впереди. Не знал, сколько раз нам придётся ждать результатов обследований. Не знал, какие решения придётся принимать. Не знал, сколько будет молитв и сколько страхов. Не знал, сколько раз придётся собирать себя изнутри и снова говорить: «Мы идём дальше».

Но той ночью я впервые почувствовал вес этой дороги.

А рядом спокойно спал мой девятилетний сын. И, может быть, именно поэтому мне особенно хотелось быть сильным.

Служение, которого я почти не помню

Следующий день прошёл как в тумане.

Мы приехали ради служений Рика Реннера. Я сидел в зале. Передо мной был человек, которого я много слушал, чьё учение мне нравилось, ради встречи с которым мы проехали триста километров. Он проповедовал. Но сегодня я практически не могу вспомнить, о чём была та проповедь.

Иногда сердце человека настолько занято одним вопросом, что даже самые сильные слова проходят где-то мимо сознания.

Однако одну вещь с того служения я запомнил. И говорил её даже не сам Рик Реннер.

Перед пожертвованием вышел один из его помощников. Он говорил о людях, которые когда-то что-то сделали для Бога. Я не смогу сейчас воспроизвести его мысль дословно, но услышал её примерно так: Библия в каком-то смысле похожа на огромную Божью книгу памяти. В ней остаются имена людей, которые решались ради Бога на поступки веры. Кто-то строил. Кто-то жертвовал. Кто-то рисковал. Кто-то отдавал силы, имущество, время, жизнь.

И вдруг я вспомнил слова Писания о том, что перед Богом пишется памятная книга о тех, кто чтит Его имя. А рядом с этим в сердце поднялась ещё одна строка:

«Ибо не не праведен Бог, чтобы забыл дело ваше и труд любви, которую вы оказали во имя Его.» Евреям 6:10

Не знаю, что слышали в тот момент остальные люди в зале. Но меня эти слова накрыли.

Потому что я вспомнил нашу семью. В нашей жизни был достаточно большой период, когда мы строили храм. И строили не только разговорами. Вкладывались финансово. Работали руками. Делали то, что могли. Отдавали силы. Время. Средства.

И в тот момент внутри меня возникла очень простая мысль: «Господи, Ты ведь помнишь».

Не в смысле сделки с Богом. Не так: «Мы Тебе построили - теперь Ты обязан нам помочь». С Богом невозможно торговаться. Вера вообще не про торговлю. Но в тот день мне было важно вспомнить, что наша жизнь находится не в пустоте. Что Бог знает нашу историю. Что Он видел каждый день, каждую жертву, каждую молитву, каждый кирпич, каждый рубль, каждый час труда.

Он видел нашу семью до этого дня. Значит, Он видит её и сейчас.

И эта мысль неожиданно принесла мне покой.

Дорога домой

Мы даже не досидели все служения до конца. Моё состояние было уже совсем другим. Лёша тоже устал, начал капризничать. И мы решили ехать домой.

Те же самые триста километров, которые ещё совсем недавно были дорогой маленького приключения отца и сына, теперь стали совершенно другой дорогой.

Я ехал и молился. Много молился.

У меня ещё не было медицинского заключения. Не было окончательного диагноза. Не было результатов биопсии. Фактически у меня ещё не было документа, который говорил бы, что в нашей жизни произошло нечто страшное. Но сердце уже знало: мы подъезжаем к какому-то рубежу.

И всю дорогу внутри меня звучало: «Господи, да будет воля Твоя над нашей семьёй. Только помоги нам пройти это. Помоги нам преодолеть».

«Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, через реки ли - они не потопят тебя.»
Исаия 43:2

Я не знал тогда, насколько буквально мне придётся держаться за смысл этих слов. Бог не обещал, что воды не будет. Он не сказал, что нам не придётся входить в реку. Обещание было другим: «Я с тобою». Иногда именно этого достаточно, чтобы сделать следующий шаг.

Я смотрел на дорогу. Иногда на сына. И думал о Розе, которая ждала нас дома.

Наверное, часть меня всё ещё надеялась, что мы приедем, врачи скажут, что произошла ошибка, результаты окажутся хорошими и через несколько дней всё снова станет таким, каким было раньше.

Служение. Бизнес. Альфа-курс. Новые люди. Каникулы. Школа. Семейные планы. Обычная жизнь.

Безмятежная жизнь.

Тогда я ещё не знал, что некоторые дороги невозможно проехать обратно. Можно вернуться в тот же город. В тот же дом. Открыть ту же дверь. Увидеть тех же людей. Но прежним ты уже не возвращаешься.

Потому что иногда достаточно одного ночного звонка, чтобы закончилась целая эпоха. Мы ехали домой.

И где-то на этой дороге я впервые начал понимать: в нашей семье начинался новый сезон.

Сезон, которого мы не выбирали. Сезон, к которому не готовились. Сезон, о котором ещё ничего не знали. Но в который нам предстояло войти вместе.

И если раньше вера была для меня тем, о чём я проповедовал другим, то теперь ей предстояло стать дорогой, по которой нужно будет идти самому.

Глава 2. Гром среди ясного неба

*«Не убоится худой молвы; сердце его твёрдо, уповая на Господа».
Псалом 111:7*

Бумага с печатью

Одно дело - бояться диагноза. Ждать. Думать: подтвердится или нет? Надеяться, что врачи ошиблись, что анализ оказался неточным, что следующий специалист посмотрит результаты и скажет: «Нет, всё не так страшно. Мы поторопились».

Пока окончательного заключения нет, внутри человека всё равно живёт маленькое «может быть». Может быть, обойдётся. Может быть, ошибка. Может быть, мы просто слишком рано испугались.

Совсем другое - однажды увидеть диагноз написанным на бумаге. Чёрным по белому. Медицинские формулировки. Подпись. Печать.

Ты держишь этот лист в руках и вдруг понимаешь: это уже не гипотеза. Не предположение. Не страшная мысль, которая пришла ночью и которую утром ещё можно попытаться прогнать. Это факт, который вошёл в твою жизнь и теперь требует от тебя ответа.

Наверное, существуют невидимые границы, после которых жизнь сама делится на «до» и «после». До этого листа мы ещё ждали. После него - уже знали.

Я вспоминал слова Писания: «Не убоится худой молвы; сердце его твёрдо, уповая на Господа» (Псалом 111:7). Раньше это был сильный стих, который можно было процитировать другому человеку. Теперь мне предстояло узнать, что значит удержать сердце, когда худая весть уже лежит у тебя в руках, подписанная врачом и скреплённая печатью.

Когда подозрение вошло в дом

После возвращения из Томска всё начало происходить с пугающей скоростью. Консультации. Анализы. Дообследования. Новые врачи. Разговоры. Кабинеты. Очереди. Документы.

То, что ещё недавно называли словом «подозрение», ворвалось в нашу жизнь, даже не спросив разрешения. Никто не поинтересовался, готовы ли мы. Никто не спросил, удобное ли сейчас время, есть ли у нас планы на лето, церковь, работа, девятилетний сын, обычная семейная жизнь.

Болезнь вообще не очень воспитанный гость. Она не стучится и не ждёт, пока ей откроют. Она просто однажды оказывается внутри дома и начинает переставлять там мебель. Меняет расписание. Меняет разговоры. Меняет планы. Меняет даже язык, на котором ты живёшь.

В нашей речи появились слова, которых раньше почти не было: названия анализов, показатели, препараты, исследования, заключения, медицинские сокращения. Ещё вчера они ничего для меня не значили. Теперь от нескольких букв на листе бумаги мог зависеть весь день.

Врачи перестали говорить: «Возможно». Перестали оставлять спасительное пространство, в котором ещё можно надеяться на ошибку. Разговор становился конкретным. И именно эта конкретность иногда пугала больше всего.

Они знают

Мы жили в большом посёлке, но посёлок всё равно остаётся посёлком. Люди знают друг друга. Кто-то знает тебя лично. Кто-то знает твою семью. Кто-то видел тебя десятки раз. А новости, особенно такие, разлетаются удивительно быстро.

Я хорошо помню свои первые походы в больницу после того, как результаты стали известны. Раньше всё было просто. Можно было встретить знакомого врача, поздороваться с медсестрой, перекинуться несколькими словами. Теперь я заходил и чувствовал: они знают.

Некоторые врачи и медсёстры немного отводили глаза. Не потому, что плохо ко мне относились. Скорее наоборот. Наверное, человек не всегда понимает, как посмотреть в глаза тому, о чьей семье он знает такую новость.

Обычное «Как дела?» вдруг становилось почти неуместным, потому что все и так понимали, как дела. В этих отведённых глазах я видел сочувствие, растерянность, а иногда, мне казалось, и страх. Чужая тяжёлая болезнь невольно напоминает человеку о его собственной хрупкости.

Вчера мы просто здоровались. Сегодня они знали диагноз моей жены. А я знал, что они его знают. Между нами словно появилась невидимая надпись. Все её видели, но никто не хотел читать вслух.

«Дима, держись»

Почти сразу начал звонить телефон. Родственники. Друзья. Знакомые. Люди, с которыми мы общались постоянно, и те, от кого давно ничего не слышали.

«Дима, держись». «Главное - не сдавайся». «Ты только держись».

Я понимал, почему люди говорили именно так. Что вообще сказать человеку, в дом которого только что вошла такая новость? Они искали хоть какие-то слова, и я был благодарен каждому.

Но внутри меня постепенно возникало странное ощущение. Сдаваться я не собирался. Это даже не обсуждалось. Вопрос был не в том, бороться или нет. Вопрос был в другом: как бороться?

Куда идти? Какой путь выбрать? С чего начать? Каким врачам доверять? Нужна ли вторая консультация? Третья? Нужно ли ехать в другой город? Как отличить веру от беспечности, а разумный поиск - от паники?

И был ещё вопрос об Алексее. Ему девять лет. Что ему говорить? Рассказать всё? Назвать болезнь своим именем? Или позволить его детству ещё какое-то время продолжаться - со школой, друзьями, играми и обычными детскими заботами? Где проходит граница между честностью и тем грузом, который ребёнок просто не должен нести?

Вопросов становилось всё больше. Один не успевал получить ответ, как рядом возникали три новых. И при этом отовсюду звучало одно и то же: «Держись».

Странное это слово. Доброе. Правильное. Но когда слышишь его двадцать раз подряд, оно начинает звучать иначе. Если все говорят тебе «держись», значит, впереди действительно есть что-то такое, от чего можно упасть.

Надо мной словно начал сгущаться невидимый купол - купол неопределённости, страха и возможной безысходности. Я не хотел принимать эту безысходность. Всё внутри восставало против неё. Я много лет говорил людям о надежде, молился за больных, проповедовал о Божьей верности. Теперь эти слова должны были выдержать вес уже не чужой истории, а моей собственной.

В этот период особенно близкими стали слова апостола Иакова: «Если же у кого из вас недостаёт мудрости, да просит у Бога» (Иакова 1:5). Мне не столько хотелось знать всё наперёд, сколько получить мудрость для следующего решения.

Проводник

Именно тогда я впервые по-настоящему почувствовал одиночество ответственности.

Не одиночество в смысле отсутствия людей. Людей вокруг было много. Мне звонили, меня поддерживали, за нас молились. Но существовали решения, которые никто не мог принять вместо меня.

Роза по складу характера никогда особенно не любила документы, анкеты, записи, медицинские кабинеты. Даже в обычной жизни ей бывало трудно разбираться, куда что вписать, где СНИЛС, куда позвонить и к кому обратиться. И в её тогдашнем состоянии я вдруг понял: может быть, это даже хорошо. Ей не нужно сейчас нести ещё и этот пласт нагрузки.

Но в ту же секунду я понял и другое: этот пласт ляжет на меня.

Записать к врачу. Найти врача. Договориться. Собрать документы. Прочитать заключение. Проверить анализы. Узнать второе мнение. Решить, куда ехать и куда не ехать.

Вокруг серьёзной болезни очень быстро возникает информационный шум. Вместе с реальными врачами появляются советы знакомых, истории из интернета, чудесные методы, телефоны людей, которые «точно знают, что делать». Один говорит: обязательно попробуйте. Другой: ни в коем случае. И тебе приходится не только искать дорогу, но и постоянно отсекал ложные тропинки.

Я понял, что должен стать для Розы фильтром и проводником. Где-то остановить. Где-то приземлить. Где-то сказать: «Нет, сюда мы не пойдём». А где-то, наоборот: «Это надо проверить».

И внутри сформировалась очень ясная мысль: я должен взять её за руку и провести через это.

Не потому, что знаю дорогу. Я её не знал. Не потому, что врач. Я им не был. Не потому, что обладал железным мужеством. Иногда его у меня как раз не хватало. Но я верил, что именно в этой точке Бог хочет использовать меня для моей жены - человеком, который возьмёт её за руку и скажет: «Сейчас идём сюда. Завтра едем туда. Здесь слушаем. Здесь ждём».

У нас состоялся разговор. Я сказал Розе: «Я тоже ничего не знаю. Я впервые через это прохожу. Я не могу обещать, что каждое решение будет идеальным. Но я верю, что Бог будет подсказывать и проведёт нас. Поэтому я прошу тебя: доверься мне. Я буду искать, спрашивать, молиться, проверять. А ты просто иди со мной».

Это не было заявлением сильного человека, который всё взял под контроль. Наоборот, я очень ясно понимал, насколько мало контролирую. Но иногда ответственность начинается именно там: ты не знаешь всей дороги, однако всё равно берёшь за руку того, за кого отвечаешь.

Мне вспоминалось Божье обещание: «Вразумлю тебя, наставлю тебя на путь, по которому тебе идти» (Псалом 31:8). Я не просил карту на полгода. Я просил: «Господи, покажи следующий поворот».

Слёзы, которые приходили ночью

Именно на этом этапе со мной начало происходить нечто, чего прежде я никогда не испытывал.

Я начал плакать во сне.

Не так, что просыпался ночью, вспоминал всё происходящее и начинал плакать. Нет. Я просто открывал глаза утром и обнаруживал, что подушка мокрая. Лицо мокрое. Глаза в слезах.

Несколько раз я буквально не мог понять: как это возможно? Я спал. Сознание вроде бы было выключено. Но тело продолжало переживать. Организм плакал сам.

До этого я не знал, что человек может проживать боль настолько глубоко. И это было не только странно. Это было страшно. Потому что я понял: всё происходящее находится во мне значительно глубже, чем я способен показать людям днём.

Днём можно собраться. Позвонить врачу. Сесть за руль. Решить вопрос. Пошутить. Ответить на звонок: «Да нормально всё, держимся». Можно проповедовать и быть собранным. Но ночью организм уже никому ничего не доказывает.

И тогда во мне словно очистилось от лишнего одно простое знание: я люблю эту женщину.

Восемнадцать лет семейной жизни делают многое привычным. Дом. Быт. Ссоры. Примирения. Усталость. Радость. Планы. Иногда кажется, что всё и так понятно и всегда будет рядом. Но когда появляется угроза потерять человека, с отношений словно сходит вся бытовая пыль. И остаётся главное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.